

СМОЛЕНСКИЙ СКИТ НА ВАЛААМЕ

ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ*

Татьяна Ивановна Шевченко

кандидат богословия, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник отдела новейшей истории РПЦ
ПСТГУ
127051, г. Москва, Лихов пер. 6/1, офис 219
tatyana_valaam@mail.ru

Для цитирования: Шевченко Т. И. Смоленский скит на Валааме: об истории возникновения // Богословский вестник. 2025. № 4 (59). С. 234–258. DOI: 10.31802/GB.2025.59.4.012

Аннотация

УДК 27-788-9 (271.2)

Представленная история возникновения храма-памятника воинской славы на Валааме рассмотрена в контексте осмысления отечественной традиции храмостроительства и предлагается в качестве вклада в общие усилия историков дать академически точную и достоверную картину истории Русской Православной Церкви времён Первой Мировой войны. Автор анализирует дискуссию о закладке церкви, в которой участвовали Главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи в Первой Мировой войне Великий князь Николай Николаевич, настоятель монастыря игумен Маврикий (Баранов), духовник великого князя иеромонах Георгий (Хробостов), а также архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) и таким образом иллюстрирует отношения между Церковью в лице монашеского института и последней правящей династией. В работе использованы материалы монастырской канцелярии, хранящиеся в архивах Ново-Валаамского монастыря в Финляндии и Национального архива Республики Карелия, а также письма из фонда Великого князя Николая Николаевича (младшего) в Государственном архиве Российской Федерации. Исследователь доказывает, что усилия Церкви и государства в момент опасности для родины были едины.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, монашество, Первая мировая война, Валаамский монастырь, схиигумен Маврикий (Баранов), Великий князь Николай Николаевич (младший), иеросхимонах Ефрем (Хробостов), духовное окормление военнослужащих, церковно-государственные отношения, монастыри, династия Романовых.

* Автор сердечно благодарит настоятеля Ново-Валаамского монастыря в Финляндии архимандрита Михаила (Нуммела) и архивиста иеродиакона Иакова за содействие в работе с архивными фондами.

Статья поступила в редакцию 11.9.2025; одобрена после рецензирования 4.10.2025

Smolensky Skete on Valaam: Toward the Story of Origin

Tatiana I. Shevchenko

PhD in History, PhD in Theology

Senior Researcher of Department of the Russian Orthodox Church's Modern History
at the St. Tikhon's Orthodox University of Humanities

of. 219, 6/1 Likhov lane, Moscow 127051, Russian Federation

tatyana_valaam@mail.ru

For citation: Shevchenko, Tatiana I. "Smolensky Skete on Valaam: Toward the Story of Origin". *Theological Herald*, no. 4 (59), 2025, pp. 234–258 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.59.4.012

Abstract. The article covers the story of building of the memorial church of military glory in the Valaam Monastery (1915–1917), which is investigated in the context of understanding the Russian tradition of temple building and is proposed as a contribution to the common efforts of historians to give an academically accurate and reliable picture of the history of the Russian Orthodox Church during the First World War. The author analyzes the discussion about the foundation of the church between the Commander-in-Chief of the land and naval forces of the Russian Empire in the First World War, Grand Duke Nikolai Nikolaevich (Jn.), Father Superior of the monastery Hegumen Mauritius (Baranov), confessor of the Grand Duke Hieromonk George (Khrobostov), as well as Archbishop of Finland and Vyborg Sergiy (Stragorodsky). Through this analysis, she illustrates the relationship between the Church, represented by a monastic institution, and the last Ruling dynasty. The materials of the monastic chancery stored in the archives of the New Valaam Monastery in Finland and the National Archive of the Karelia Republic, as well as letters from the Grand Duke Nikolai Nikolaevich (Jr.) Foundation in the State Archive of the Russian Federation were used in this work. The researcher proves that the efforts of the Church and the state were united at a time of danger to the motherland.

Keywords: Russian Orthodox Church, monasticism, World War I, Valaam Monastery, Abbot Maurice (Baranov), Grand Duke Nikolai Nikolaevich (Jr.), Hieroschemonk Ephraim (Khrobostov), spiritual care for military personnel, church-state relations, monasteries, the Romanov dynasty.

The article was submitted on 9/11/2025; approved after reviewing on 10/4/2025

Acknowledgments. The author wishes to express her sincere gratitude to Archimandrite Mikael (Nummel), the Abbot of the New Valamo Monastery in Finland, and to the archivist Hierodeacon Iakov, for their valuable assistance in working with the archival collections.

Краткая история храмов-памятников воинской славы в России

Благочестивая традиция сооружать храмы в благодарность Богу, Его Пречистой Матери, святым угодникам за помощь в победе русского воинства и за спасение Отечества, а также для сохранения молитвенной памяти о погибших воинах существовала издревле. Русская Церковь всегда хранила «национально-патриотические традиции своего народа», понимая несение воинского долга «как добродетель, которая требует высочайшего духовного напряжения»¹. Не случайно благодарность за одержанную победу выражалась иногда и в построении новых монастырей. Ратный подвиг в восприятии первых христиан-славян был неотделим от духовного. «Отправляясь на бой с супостатами, остерегаться всех неприязненных слов и дел, направить мысль свою к Богу и молитву сотворить и сражаться в ясном сознании, ибо помощь даётся от Бога светлым сердцам. Не от большей силы победа в бою, а в Боге крепость»², — говорится в самом древнем сохранившемся законодательном памятнике славянских народов.

Устойчивая традиция богопрославляющего храмостроительства после воинских побед сложилась в период Московской Руси, первой значимой победой которой была Куликовская битва. По преданию, Дмитрий Донской заложил в Коломенском церковь в честь вмч. Георгия Победоносца. Также считается, что в память об этой победе в Москве была возведена церковь Всех Святых на Кулишках, а в 1392 г. — церковь Рождества Богородицы в Кремле. Знаменитый Сретенский монастырь является памятником избавлению Москвы от нашествия Тимура-Тамерлана в 1395 г. В 1440 г. в благодарность за избавление Москвы от набега хана Мехмета была основана Крестовоздвиженская обитель, а в 1451 г. как знамение победы над татарским царевичем Мазовшей был создан в Кремле митрополичий храм Положение ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. Покорение Казани, части бывшей Золотой Орды, ознаменовано храмом Покрова Пресвятой Богородицы на Рву на Красной площади (храм Василия Блаженного). Московский Донской монастырь основали после победы в 1591 г. над крымским ханом

- 1 Святейший Патриарх [Алексий II] направил поздравление Отдельной дивизии особого назначения // Седмица.ru: православная энциклопедия. 2004. 17 июня. URL: www.sedmitza.ru
- 2 Закон судный людем (IX в.) // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / ред. В. М. Корецкого. Москва, 1961. С. 681.

Казы-Гиреем, в честь Донской иконы Божией Матери — защитницы от иноплеменных, пред которой молился о победе царь Фёдор Иоаннович и горожане с воинами. После окончания Смуты в 1612 г. на Красной площади был заложен собор в честь святыни второго ополчения К. Минина и Д. Пожарского — Казанской иконы Божией Матери и др.

Во времена Петра I чествования воинских побед изменились: они стали носить более светский характер: возводились арки, устраивались парады, фейерверки, потешные побоища и пр. Но, будучи верующим человеком, Пётр не забывал благодарить Бога. Он предпочитал реконструировать и строить каменные церкви на месте старых деревянных, но иногда по его указанию возводились и новые храмы. После взятия Нарвы в 1704 г. на Петербургской стороне была поставлена деревянная полковая церковь³. Храм Иоанна Воина, покровителя ратников, на Якиманке в Москве заложили в 1709 г. на личные средства царя после победы в Полтавской битве. В память этой же исторической победы была заложена Сампсониевская⁴ деревянная церковь, позднее перестроенная в собор (1728–1740 гг.), ставший в Петербурге обобщающим памятником военным победам Петровского времени⁵.

Поскольку Санкт-Петербург был морской столицей империи, в городе часто возводились храмы после знаменательных морских побед. Главный храм военных моряков с 1900 г. — Морской Николо-Богоявленский собор⁶ является, как и Пантелеимоновская (Гангутская) церковь 1739 г.⁷, памятником воинской славы России. Все храмы невозможно описать в одной статье, но стоит упомянуть возведённый по указу Николая II как мемориал в честь 200-летия Военно-морского флота России величественный Морской Никольский собор-памятник в Кронштадте (1903–1913 гг.)⁸.

Трудно давшаяся России победа в Отечественной войне 1812 г. не могла не найти отражения в храмостроительстве. Упомянем только

3 Макаров А.И. Воинские храмы России // Архитектура. 2017. № 1. С. 22.

4 В день памяти преподобного Сампсона Странноприимца — 27 июня (10 июля по н. ст.) — Россия одержала решающую победу в Полтавской битве (1709 г.).

5 Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. Санкт-Петербург, 2010. С. 90.

6 Заложен в 1753 г.

7 Храм-памятник первым морским победам русского флота: при Гангуте (Ханко) в 1714 г. и о. Гренгаме в 1720 г. Одноименная часовня существовала с 1718 г., деревянная церковь — с 1721 г. Строительство каменной началось в 1734 г.

8 Был закрыт с 1929 по 2005 г. Использовался как кинотеатр, концертный зал и клуб. В 2012 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин малого освящения собора, с тех пор в нём совершаются регулярные богослужения.

наиболее известные храмы. В Петербурге местом захоронения фельд-маршала Кутузова стал освящённый в 1811 г. Казанский собор. В Москве — разрушенный в 1939 г. и восстановленный в 2000 г. Храм Христа Спасителя. Оба собора ныне своеобразные визитные карточки своих городов.

В 1883 г., после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., была установлена мемориальная Александра Невского часовня в Москве на Моисеевской площади, спустя четыре года — памятник героям Плевны у Ильинских ворот.

В память моряков, погибших в русско-японскую войну на территории Ново-Адмиралтейского завода в Петербурге в 1910–1911 гг. возвели храм Спаса-на-водах (церковь Гефсиманского борения Христа Спасителя)⁹. Храм строился на пожертвования со всей России. Рекрипт императора Николая II, утверждавший сбор пожертвований, отражал основные мотивы властей:

«Запечатлев неизгладимо в сердце Моём прискорбное воспоминание о тяжёлых жертвах, понесённых русским народом в печальную годину минувшей войны, Я считаю долгом совести почтить великий подвиг доблестных сынов России, бестрепетно положивших на поле брани жизнь свою за честь своей Родины»¹⁰.

В 1913–1917 гг. на Куликовом поле был воздвигнут храм-музей в честь прп. Сергия Радонежского. Храмы-памятники были одновременно и храмами-музеями, хранившими уникальные реликвии, поддерживавшими духовно-нравственный настрой воинов и воспитывавшими молодое поколение. В статье не упомянуты множественные полковые храмы, где, как правило, особо отмечались дни сражений, в которых отличился полк, и регулярно совершались панихиды по однополчанам¹¹.

Всё это свидетельствует о том, что русские люди воевали и побеждали с именем Божиим на устах и в сердце, осознавая свою подчинённость воле Божией. Радость побед, чествование героев и оплакивание погибших — всё было связано с Церковью.

Храмы-памятники Первой мировой войны

Что касается Первой мировой войны, то современных ей храмов-памятников сохранилось не много. Идея устройства братских кладбищ

9 Взорван в 1932 г.

10 *Клавинг В.В.* Военные храмы России. Санкт-Петербург, 2002. С. 12.

11 *Макаров А.И.* Воинские храмы России. С. 24.

и сооружения памятников воинам, отдавшим жизни на фронтах войны, официально была озвучена Александровским комитетом о раненых и одобрена Николаем II уже в сентябре 1914 г. Комитет считал необходимым, чтобы умершие в лазаретах воины были похоронены в городах на отдельном кладбище с часовней или храмом, где со временем возводились бы памятники, высаживались деревья, и всё это служило бы «напоминанием последующим поколениям о жертвах Великой Европейской войны»¹².

Таким образом, в России с началом боевых действий практически сразу зародилось «особое направление музейно-мемориальной деятельности», в котором объединились усилия государства, общества и Церкви.

«На фронте и в тылу стали возникать специальные центры, занимавшиеся сбором документального и вещевого <...> трофейного материала, его упорядочением, описанием, организацией постоянных и передвижных выставок»¹³.

Во многих городах, не только в столицах, в 1914–1916 гг. были организованы музеи и «архивы войны», в устройстве и обеспечении экспонатами которых принимали активное участие «Императорская Академия наук, Исторический музей, Общество ревнителей истории, Комиссия по описанию боевых трофеев Русского воинства и старых Русских знамён, Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения её в памяти потомства, Георгиевский Комитет, полевые отделения Военно-ученого архива, губернские учёные архивные комиссии и пр.»¹⁴, а также частные лица.

Пример подавали лица императорской фамилии. Ещё в 1913 г. в Царском Селе, распоряжением Николая II была заложена Государева Ратная палата для организации музея истории русских войск. После начала войны в Царском Селе был выделен участок под кладбище героев. На его территории по инициативе императрицы Александры Федоровны 18 августа 1915 г. была заложена деревянная церковь в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», которая строилась всего сорок восемь дней и была освящена 4 октября 1915 г. «К тому времени

12 Первое братское кладбище // Мичуринская мысль: сетевое издание. URL: <https://www.mkm68.ru/michurinskaya-pravda/281-pervoe-bratskoe-kladbishche>

13 Катагощина М. Памятники великой войны // Военная быль. 1993. № 3 (132). С. 14.

14 Там же.

на кладбище было похоронено более 400 воинов»¹⁵. Скорее всего, именно этот храм являлся первым храмом-памятником той войны, предназначался он для отпевания погибших воинов. После окончания военных действий предполагалось заменить деревянную церковь каменной. Народный музей войны в Ратной палате всё-таки был открыт в 1917 г., но уже через год упразднён. Советская власть не жаловала память о войне, считая её «империалистической», посему и память о её героях старались уничтожить. Спустя какое-то время с землёй сравнивали могилы воинов на вышеупомянутом кладбище, а в 1950-е гг. оно и вовсе было снесено бульдозерами¹⁶.

Также в Петрограде 22 мая 1915 г. на Богословском кладбище была заложена одноименная трёхпрядельная церковь¹⁷ в память воинов, павших в текущую войну. Главный придел которой 26 ноября 1916 г. освятил епископ Ямбургский Анастасий (Александров, 1861–1918 гг.).

Скорби военного времени не обошли стороной и Москву. Уже в ноябре 1914 г. по инициативе великой княгини Елизаветы Фёдоровны был куплен участок около села Всехсвятское для устройства Братского кладбища и мемориального комплекса, где планировались храм и два музея. Кладбище с временной часовней было открыто 15 февраля 1915 г. А 6 августа 1915 г. состоялась торжественная закладка каменной Преображенской церкви. В ней 8 ноября 1916 г. был освящён придел Михаила Архангела, а первая литургия в новоосвящённом приделе апостола Андрея Первозванного состоялась в январе 1917 г.¹⁸ Под Рождество 1918 г. был освящён и главный придел. К 1917 г. на этом кладбище было похоронено свыше 17 500 солдат, 581 офицер, 20 общественных деятелей, 51 сестра милосердия и 14 врачей¹⁹. На кладбище предполагалось устроить Всероссийский музей войны как «наглядный памятник

15 «*Больши сия любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя*» (Ин. 15, 13). История создания братских кладбищ в Царском Селе и в Москве для погибших воинов Первой мировой войны // Фонд ЕСПО: [сайт]. 2020. 28 апреля. URL: <https://esfond.ru/news/bolshi-siya-lyubve-nikto-zhe-imat-da-kto-dushu-svoyu-polozhit-za-drugi-svoya-in-15-13-istoriya-sozda/>

16 В 1938 г. Скорбященская церковь была разобрана. Кладбище вокруг просуществовало до Великой Отечественной войны. В 2000-х гг. был разработан проект его воссоздания, территория взята под государственную охрану, планируется возведение мемориального комплекса.

17 Снесена в 1938 г. вместе с прилегающей частью кладбища. См.: Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия. Санкт-Петербург, 2003. С. 324–325.

18 Катагощина М. Памятники великой войны. С. 15.

19 Там же. С. 14–16.

великих подвигов и жертв русского народа во время этого беспримерно грозного исторического события»²⁰. Братское кладбище в Москве действовало до 1920-х гг. На его территории, в том числе, проходили расстрелы неугодных новой власти лиц. В 1940-е гг. по решению президиума Моссовета храм-памятник на Братском кладбище был снесён. На его месте построен кинотеатр «Ленинград», могилы уничтожены²¹.

В Петрограде 23 апреля 1915 г. было открыто Всероссийское общество памяти воинов Русской армии, павших в текущую войну.

«Согласно уставу, целью Общества было всеми способами и средствами “содействовать охранению на полях брани могил русских воинов <...> без различия их вероисповеданий и национальностей и сохранять в дальнейшем память погибших жертв долга Родине”»²².

Со временем Общество предполагало возводить храмы, часовни, памятники, вести издательскую деятельность, открывать приюты для увечных воинов, вдов и сирот, школы, музеи, читальни и т. п. В Общество входили военные и государственные деятели, духовенство, привлекались известные архитекторы и художники. Именно по инициативе этой организации 15 ноября 1915 г. Императорское общество архитекторов-художников «объявило конкурс на составление проектов храмов, часовен и надгробных памятников для установки на местах боёв, военных кладбищах, братских и одиночных могилах»²³. На конкурс было подано тридцать четыре проекта, его итоги подвели в мае–июне 1916 г. Общество памяти воинов имело региональные отделения, которые информировали его Главный совет об открытии братских кладбищ, сооружении памятников в российских городах и сёлах.

Таким образом, появление храма-памятника на Валааме в 1915–1917 гг. было вполне в духе общественно-церковных течений того времени. Примечательны только мотивы его возведения.

20 Обращение попечителя кладбища С. В. Пучкова в Московскую государственную думу 24 апреля 1917 г. // Цит. по: Катагощина М. Памятники Великой войны. С. 15.

21 На территории паркового комплекса, где ранее находилось кладбище героев Первой мировой войны, ныне установлены мемориальные стелы и действует часовня во имя Преображения Господня (1998 г. п.).

22 Катагощина М. Памятники Великой войны. С. 21.

23 Там же.

Валаамский монастырь и Великий князь Николай Николаевич Романов

Общеизвестная история основания Смоленского скита изложена в воспоминаниях архимандрита Афанасия (Нечаева, 1886–1943 гг.), который до поступления в Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже и принятия там монашества (1926 г.) трудился в Валаамской обители на разных послушаниях. Старцем будущего архимандрита был иеросхимонах Ефрем (Хробостов)²⁴, до схимы (1919 г.) Георгий, который сам рассказал послушнику эту историю. В 1927 г. иеромонах Афанасий поведал её «литератору г. Никанорову, который и поместил её в “Возрождении” как имеющую общерусский интерес»²⁵. Обращает на себя внимание в этом рассказе утверждение, что скит был построен «со специальной целью» — поминать «всех воинов, павших славной смертью за веру, царя и отечество»²⁶ и что мысль о создании скита пришла великому князю Николаю Николаевичу²⁷, в то время Верховному Главнокомандующему русской армии, вследствие лицемерия трагической картины: множество убиенных воинов на полях сражений. Мысль эту с ним разделили другие великие князья, вложившиеся вместе с ним в строительство скита. К 1917 г. успели построить только храм и келью

- 24 Иеросхимонах Ефрем (Хробостов Григорий Иванович, 1871–1947 гг.), происходил из крестьян Костромской губернии, родился в семье ремесленника в селении Императорского фарфорового завода в Петербурге, был крещён там же при церкви. Крёстной матерью стала великая княгиня Александра Петровна (1838–1900 гг.), супруга великого князя Николая Николаевича Старшего (1831–1891 гг.), впоследствии принявшая постриг с именем Анастасия (местночтимая святая Украинской Православной Церкви (2009 г.)). Поступил в Валаамский монастырь в 1883 г., был зачислен послушником в 1894 г., в монашество пострижен в 1895 г., рукоположен во иеромонаха в 1899 г. В 1925 г. Финляндским Церковным управлением был назначен временно исполняющим обязанности духовника монастыря. В 1927 г. был избран на эту должность большинством голосов братии. Скончался в 1947 г. на Новом Валааме, куда братство эвакуировалось вследствие Зимней войны 1939–1940 гг.
- 25 *Афанасий (Нечаев), архим.* Старый Валаам: воспоминания о монастыре 1914–1943 гг. Санкт-Петербург, 2006. С. 118.
- 26 Там же.
- 27 Великий князь Николай Николаевич Романов (1856–1929 гг.) — старший сын великого князя Николая Николаевича Старшего и великой княгини Александры Петровны, урождённой принцессы Ольденбургской. Верховный Главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (19.07.1914 — 23.08.1915); с 23 августа 1915 г. по 2 марта 1917 г. — наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск.

для духовника великого князя иеромонаха Георгия (Хробостова): строительство пришлось свернуть. Иеромонах же Георгий, занимавшийся курированием постройки, «не оставил и тогда <...> благой мысли великого князя <...>. И поселился он там один, и стал он совершать ежедневно богослужения по полному монастырскому уставу за упокой душ убиенных воинов»²⁸ — писал отец Афанасий.

Иеромонах Георгий после служения в 1901–1903 гг. на Московском подворье находился для исполнения богослужений и треб на учебном судне «Европа», затем служил в карельских приходах, а с 1907 г., по представлению августейшего ктитора Великого князя Михаила Александровича (родного брата Николая II), был вызван в Петербург и назначен настоятелем Николо-Александровской (Барградской) церкви, которой покровительствовали при Дворе, стал духовником обоих сыновей своей крестной — Великой княгини Александры Петровны: Великих князей Николая и Петра²⁹ и их семей.

Иеромонах Георгий переписывался со своими духовными детьми. Первое письмо от Великого князя Николая Николаевича из Красного села датировано 2 августа 1911 г. И это самое раннее свидетельство их общения. Настоятель игумен Маврикий (Баранов, 1838–1918 г.) также переписывался с великим князем и неоднократно благодарил за высокое внимание, оказанное простому валаамскому иеромонаху, а через него и всей обители³⁰.

В переписке настоятеля с Николаем Николаевичем 1 мая 1913 г. мелькает упоминание о желании великого князя посетить Валаам. Игумен ответил:

«Обитель Валаамская несказанно будет счастлива <...>. Смирнейше милости просим <...> по примеру Державных и Августейших предков и родных Ваших»³¹.

28 *Афанасий (Нечаев), архим.* Старый Валаам. С. 118.

29 Великий князь Пётр Николаевич (1864–1931 гг.) был вторым сыном великого князя Николая Николаевича Старшего и великой княгини Александры Петровны. Генерал-лейтенант и генерал-адъютант русской армии. Также был крестным отцом будущего иеромонаха Георгия (Хробостова).

30 Усердное пастырское служение иеромонаха Георгия до революции было отмечено: набедренником (1905 г.), золотым наперсным крестом от Святейшего Синода (1909 г.); таким же крестом из кабинета государя императора и двумя золотыми наперсными крестами с драгоценными украшениями от его августейших духовных чад и от прихожан петербургского Николо-Александровского храма (1910 г.). В независимой Финляндии, будучи уже в схиме, он был награждён палицей (1938 г.).

31 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 95. Л. 134 – 134 об.

Николай Николаевич планировал впервые посетить Валаам, тогда как его брат Петр Николаевич, будучи 14-летним, 16 июня 1878 г. уже был в монастыре вместе с матерью³². Поездка Петра Николаевича и его супруги великой княгини Милицы Николаевны³³, сестры Великой княгини Анастасии Николаевны³⁴, впоследствии расстроилась.

В конце 1913 г. иеромонах Георгий заболел, Великий князь Николай Николаевич принял в нём большое участие, сам писал настоятелю и просил, чтобы духовник после выздоровления имел возможность уединённо поселиться в одном из монастырских скитов на его выбор.

«Ваш покорнейший слуга, — отвечал игумен, — всегда готов идти навстречу желаниям отца Георгия <...> обитель много ему обязана за его многолетние труды. Поэтому, лично от меня <...> не будет никаких препятствий <...> ему будет предоставлено исключительное право», освобождающее его от командировок, «исключение будут составлять выезды <...> несколько раз ежегодно по вызову Вашего Высочества <...>. Со стороны монастыря также не будет препятствий, напротив, нам очень приятно Ваше высокое внимание к иноку нашей Обители, и я охотно даю на это разрешение и благословение»³⁵.

На случай недоразумений со стороны епархиальных властей игумен рекомендовал заручиться благословением архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского)³⁶.

Весной 1914 г. иеромонах Георгий по приглашению великого князя ездил поправлять здоровье в его крымское имение Чаир. В переписке с настоятелем вновь всплыла тема августейшего посещения. В то время великий князь просил «особых, усиленных молитв от обители». Вследствие чего братия «сверх обычных молитв» за него на Божественной литургии молились и на ежедневных молебнах у раки прпп. Сергия и Германа Валаамских о ниспослании ему «Всесильной помощи Свыше». Настоятель просил особо уважаемых старцев усугубить молитвы

32 Сидорова М. В. In memoriam // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура: материалы Второй международной научной конференции, 29 сентября — 1 октября 2003 г. Санкт-Петербург, 2004. С. 197–198.

33 Милица Петрович-Негош (1866–1951 гг.) — урождённая черногорская княжна, русская великая княгиня и супруга великая княгиня Петра Николаевича с 1889 г.

34 Анастасия (Стана) Петрович-Негош (1867–1935 гг.), урождённая черногорская княжна, герцогиня Лейхтенбергская (1889–1906 гг.) и русская великая княгиня, супруга великого князя Николая Николаевича (мл.) с 1907 г.

35 Письмо от 14 января 1914 г. // VLA. Ea 160. 1947. Д. 22. Б/л.

36 Там же.

за Николая Николаевича³⁷. Духовник иеромонах Георгий также подерживал августейших чад:

«С любовью молюсь и буду молиться за всех Вас. Это мой священный долг и благодарить [меня] за это совершенно не за что [sic!], и горе мне, если молиться не буду. Об одном только и сожалею, что не молюсь как должно, не умею молиться как следует, но глубоко сознаю, что молиться должен»³⁸.

После лечения в Крыму валаамец спешил вернуться в монастырь, чтобы лично встретить высоких гостей. В письмах иеромонах Георгий не скрывал волнительного восторга. Писал, что отслужил молебен:

«Как всё это отрадно, что с молитвы к Богу начинается, а потому с Божьей помощью благополучно всё и окончится»³⁹.

Также не скрывал радости и игумен Маврикий:

«Ваше глубокое смирение, преданность воле Божией, благоговение перед святыней, высокие чувства любви и уважения к иночеству, старчеству и, в частности, к нашей пустынной обители — это такое для всех нас назидательнейшее, трогательнейшее явление в переживаемое время упадка религиозно-нравственных основ жизни, что я совершенно не нахожу слов к выражению своих чувств глубочайшего к Вам уважения, Боголюбивейший Великий Князь»⁴⁰.

Валаамский настоятель был не одинок в своих верноподданнических чувствах к правящей династии. Русское монашество в целом было монархистски и консервативно настроенным. Например, в Оптиной пустыни тоже очень ценили и «придавали большое значение контактам с членами императорской фамилии»⁴¹. Смиранных иноков не просто умиляло внимание власть имущих и представившийся случай сблизиться с ними. Хотя, конечно, в монастырях ценили «честь, оказываемую визитами высоких гостей»⁴². Но самым важным всё же было осознание того, что правящая династия «хранит верность православию и показывает пример всему народу»⁴³. Оптинский архимандрит Исаакий (Антимонов), например, тоже был «безмерно счастлив» после

37 Письмо от 27 марта 1914 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 95. Л. 247; Письмо от 21 апреля 1914 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 95. Л. 251 – 251 об.

38 ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 36. Л. 2–6 (пунктуация оригинала).

39 Там же.

40 Письмо Николаю Николаевичу от 27 июля 1913 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 95. Л. 171 об. – 173.

41 *Запальский Г. М.* Политическая жизнь страны глазами оптинских монахов (1825–1917 гг.) // Оптина пустынь: [сайт]. URL: <https://www.optina.ru/pub/p17/#02>

42 Там же.

43 Там же.

встречи с посещавшим Оптину пустынь великим князем Константином Константиновичем (известный поэт К. Р.), поскольку удостоился «лицезреть в августейшей особе <...> высокую религиозность и хриstopодражательное смирение»⁴⁴. А принятие великой княгиней Елизаветой Федоровной православия в 1891 г. обрадовало оптинцев «до величайших христианских чувств»⁴⁵.

Ценным было и то, что наиболее привлекательным в обителях для августейших особ оказалось старчество. Так, игумен Маврикий с благодарностью писал Николаю Николаевичу 27 июля 1913 г.:

«Совершенно справедливо изволит рассуждать Ваше Высочество, что старчество — это святое и многополезное учреждение в иночестве, так как оно составляет собою необходимое руководство для неуклонного следования по пути к духовному совершенству»⁴⁶.

Он одобрил выбор великим князем иеромонаха Георгия в качестве духовного наставника:

«Я искренне и горячо благодарю Вас <...> за Ваши по истине отеческие заботы и попечения о здравии и благополучии иеромонаха нашего монастыря отца Георгия <...>, за Ваши к нему доверие, расположение и духовное сыновство во Христе.

Уважение, оказываемое Вашими Высочествами отцу Георгию, распространяется и на всю Обитель Валаамскую <...>.

В этом большая заслуга отца Георгия пред святой обителью, что он сблизил Вас с монастырем»⁴⁷.

Текст ответного письма великого князя настоятелю от 28 августа 1913 г. показывает трепетное отношение самого Николая Николаевича к Валааму и его смиренную христианскую настроенность, которая отнюдь не выглядела лицемерной⁴⁸:

«Высокочтимейший отец Маврикий!.. Ваша доброта и снисходительность ко мне умиляют меня и в великую мне пользу, так как ещё больше уясняют мне всё моё недостойнство и греховность.

Истинно-верною помощью мне могут быть именно молитвы Ваши и Старцев, к которым смиренно прибегаю и глубоко верю, что мне не откажут в просимом.

Я уже не раз, за последнее короткое время, сподобился воочию убедиться, насколько молитвы Ваши и Старцев охраняли меня

44 *Запальский Г. М.* Политическая жизнь страны глазами оптинских монахов (1825–1917 гг.)

45 Там же.

46 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 95. Л. 171 об. — 172.

47 Там же.

48 У великого князя в армии было прозвище Лукавый.

от явной опасности и помогли мне в моём служении Царю и Родине. С надеждою и верою в молитвы Ваши и Старцев Святой Обители низко кланяюсь и остаюсь глубоко Вас почитающий и благодарный грешный Николай»⁴⁹.

Великий князь с супругой Великой княгиней Анастасией Николаевной посетили монастырь 27–28 июня 1914 г. Были торжественно встречены настоятелем с братией при многочисленном стечении богомольцев. Августейшие гости были в восторге от древней обители. Великого князя особенно поразил образ Валаамской иконы Божией Матери, на вечное возжжение лампы перед которым он впоследствии сделал крупное пожертвование так же, как и на масло для келейных лампад схимникам.

В статье опущена тема переписки монастыря с великим князем времён Первой мировой войны⁵⁰. Как настоятель, так и духовник, и остальная братия всячески поддерживали его, часто повторяя в письмах, что уверены в победе:

«В настоящую войну за нами, кроме долга победы, чувствуется за собою и право победы; у нас не было ещё войны, где бы это священное право было более на нашей стороне, чем теперь», — писал великому князю временно заменявший настоятеля иеромонах Иосаф (Александров)⁵¹. Валаамцы верили в победу русского оружия вплоть до падения императорского престола после февральского переворота 1917 г., который лишил их «всякой надежды на победоносный исход войны»⁵².

Следует отметить, что начало войны хотя и стало неожиданностью для братии, было встречено в монастыре, как и во всей России, с воодушевлением и твёрдой верой в победу. Из обители было призвано 264 послушника, из которых к 1/14 мая 1918 г. в монастырь не вернулось

49 Письмо от 28 августа 1913 г. // VLA. Еа 160 (1947). Д. 22. Б/л.

50 *Шевченко Т.И.* «Тяжел и труден Ваш подвиг, но он... велик и достохвален пред людьми и свят пред Богом»: переписка времен Первой мировой войны Валаамского игумена Маврикия (Баранова) с великим князем Николаем Николаевичем Романовым // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 121. С. 151–180.

51 Письмо от 17 декабря 1914 г. // VLA. Еа 132. Д. 23. Л. 27, 27 об.

52 *Иувиан (Красноперов), мон.* Монастырская летопись о великой войне 1914–1918 годов, пережитой Валаамским монастырем, и о последующих событиях // Валаамский летописец. Москва, 2013. С. 140.

185 человек⁵³. Дважды монастырь делал пожертвования в 10 тысяч рублей на военные нужды и до ноября 1917 г. ежемесячно отчислял по 500 рублей, несколько раз вносил меньшие суммы в благотворительные комитеты. Как и вся Церковь, обитель откликнулась на призыв Священного Синода участвовать в нуждах военного времени.

Предыстория устройства Смоленского скита на Валааме

В жизнеописаниях иеромонаха Георгия (Хробостова) говорится, что с началом войны он был в Ставке со своим духовным сыном — великим князем Николаем Николаевичем. Согласно рапорту настоятеля в Финляндскую духовную консисторию, с 8 октября 1914 г. по 23 мая 1915 г. иеромонах Георгий находился в Киеве с выездами в Ставку и на Валаам⁵⁴. Биографы великого князя нигде не упоминают скромного валаамского иеромонаха, впрочем, как и оставившие воспоминания современники. Тем не менее после начала военных действий в 1914 г. Николай Николаевич отправил духовнику семь писем и за 1915 г. ещё семь: шесть в первой половине года из Ставки и одно 9 ноября уже из Тифлиса после назначения на пост заместителя Кавказа. Письмо от 1 января было исключительно объёмным — на восьми страницах⁵⁵.

Дела на фронте у великого князя шли с переменным успехом. В 1914 г. под его командованием один за другим были проведены три успешных контрманевра: Галицийская (Юго-Западный фронт), Варшавско-Ивангородская (Восточный фронт) и Лодзинская (Восточный фронт) операции, позволившие сокрушить амбициозный германо-австрийский план «блицкрига» и оттянуть силы противника от Французского фронта. Но в 1915 г. началось масштабное отступление русской армии и острый кризис боевого снабжения, зародившие в обществе сомнения в дееспособности власти. И современники, и нынешние исследователи часто пишут, что великий князь в то время пал духом. Однако переписка с монастырём показывает, что он не сдавался.

53 VLA. Папка Ea 81 (1918). Д. 1. Л. 6 об.; Об участии монастыря в войне см.: *Иувиан (Красноперов), мон.* Монастырская летопись. С. 135–180; В 1914 г. число Валаамской монашеской братии составляло 556 человек (Валаамский монастырь и его подвижники / сост. свящ. А. Берташ. Санкт-Петербург, 2011. С. 101).

54 VLA. Ea 132. Д. 65. Л. 86.

55 Список писем сохранился в канцелярии монастыря, но самих писем не обнаружено.

В письме от 11 января 1915 г. иеромонах Георгий сообщил настоятелю, что великий князь к лету 1915 г. намерен построить на Валааме церковь по случаю предстоящей победы:

«Его Высочество, приняв с верою слова наших старцев и братии об успешном и победоносном окончании настоящей войны, положил в сердце своём по окончании победоносной для нас войны и заключении достойного России мира соорудить на Валааме храм, и впоследствии при нём и скит в вечное и благодарное воспоминание о явленной Божьей милости над нашею Родиной»⁵⁶.

Местом строительства он выбрал полуостров Бобылёк напротив монастырской фермы, где в то время находилась часовня Смоленской иконы Божией Матери⁵⁷. Церковь предполагалась каменная, вместимостью до двухсот человек. Освятить её великий князь пожелал в честь Валаамской иконы Божией Матери, «от которой благодатное действие <...> почувствовал на себе в бытность свою на Валааме», туда же хотел перенести и саму чудотворную икону.

«В храме сем учредится ежедневное богослужение с поминовением всех положивших на брани живот свой наших воинов, на что будет храм обеспечен <...>, — писал иеромонах. — Великий Князь очень надеется, что Вы, дорогой наш Батюшка, совместно со всеми начальствующими и братиею охотно благословите [это] намерение»⁵⁸.

Духовник объяснил и побудительные мотивы: великий князь, «в уповании на милость Божию и непреоборимое заступничество Пречистыя Богородицы», поверил словам валаамских старцев и своего духовника и твёрдо надеялся, «что война окончится скоро и благополучно для России», «решил теперь же приступить к исполнению своих благодарственных молитв ко Всеблагому Господу и Всеблагой Пречистой Матери Его»⁵⁹.

Настоятеля поставили в известность о том, что над проектом церкви уже работал великий князь Пётр Николаевич, и просили сообщить, есть ли в монастыре «достаточно кирпича и гранитного камня для цоколя» и леса для скитского дома. Иеромонах Георгий подчёркивал, что обращение это «частное», он хотел бы заручиться благословением, а позднее

56 VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 2 — 3 об.

57 Полуостров также называют Смоленским.

58 VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 1 — 6 об.

59 Там же.

«обратиться и официально по начальству, куда следует»⁶⁰. Духовник великого князя не был наивным человеком и трезво оценивал риски:

«Враг очень силён, положение наше очень тяжёлое, но Бог, который обещает помочь уповающим на Него, безгранично всемогущ и неизреченно благ и, как Глава Православия, спасёт Россию за Православие»⁶¹.

Ранее обитель просила великого князя подыскать для своих хозяйственных нужд трофейный пароход. И он просил передать: «Если Бог даст, война окончится вполне победоносно», то он постарается «достать самый лучший пароход из захваченных от неприятеля». Надпись на храме-памятнике должна была гласить:

«Сей храм сооружён в благодарную память о заступничестве Пресвятыя Пречистыя Валаамския Божией Матери в годину войны 1914–1915 г. и вымоленного Ею победного окончания войны, и дарованию Господом Богом России и союзным нам державам почётного мира»⁶².

Настоятель ответил великому князю 5 февраля 1915 г. Предварительно, после «тщательного обсуждения», он и соборные отцы, «хорошо сознавая, что нужды в храме и притом на указанном месте совершенно нет, но и оскорбить Великого Князя отказом» находя невозможным, «в недоумении обратились» за советом к Финляндскому архиепископу Сергию (Страгородскому)⁶³. По совету последнего игумен Маврикий пошёл на небольшую хитрость. Поблагодарив Верховного Главнокомандующего, он сообщил, что есть один пункт, который смутил его и братию: они затруднились одобрить выбранное великим князем место, поскольку рядом находился «скотный двор»: «Предшественники же наши считали неудобным и неприличным иметь скотный двор вблизи жилищ иноков и это по многим причинам и притом весьма уважительным»⁶⁴, — деликатно объяснил настоятель. Правление монастыря предлагало построить храм «в одном из скитов уже существующих, но в совершении богослужения не обеспеченных», где были «ветхие» деревянные церкви. В этом случае можно было бы возвести даже двухпрестольный храм «в честь Божией Матери и местного святого»⁶⁵. В про-

60 VLA. Еа 131. Д. 33. Л. 1 – 6 об.

61 Там же.

62 Там же.

63 Письмо архиепископу Сергию игумена Маврикия и соборных иеромонахов [б/д] // VLA. Еа 131. Д. 33. Л. 6 – 6 об.

64 VLA. Еа 131. Д. 33. Л. 4 – 5 об.

65 Там же.

тивном случае Николая Николаевича просили выбрать другое место. Кроме того, в монастыре не оказалось нужного количества стройматериалов, построить храм к лету 1915 г. не получалось, а начать строительство можно было, в лучшем случае, только с весны 1916 г., — сообщал настоятель⁶⁶.

Тон ответного письма иеромонаху Георгию был более резким. Это видно из того, что это единственное письмо, в котором настоятель обращался к младшему собрату на «ты»:

«Вам хорошо известно, что в обители построено 12 скитов, а охотников в них жить ровно ноль, все стремятся в обитель. И особенное оскудение и нужда в певцах, чтецах. Хотя, как Вы пишете, скит будет материально обеспечен — но людьми-то его не обеспечишь. Посему мы, тщательно обсудив этот весьма щекотливый вопрос, решили обратиться к Его Высочеству с предложением построить храм в одном из скитов <...>. Усердно прошу Тебя, дорогой Батюшка, сделать вполне для тебя возможное, дать Его Высочеству добрый совет, за которым, надеюсь, он к тебе обратится, соизволить на наше предложение, чем и удовлетворится желание, не скажу моё, но всех насельников Валаама»⁶⁷.

Письмо примечательно ещё и тем, что указывает на отношения великого князя и его духовника. Судя по всему, последний имел на Николая Николаевича, отличавшегося крутым нравом, влияние и даже мог давать ему «советы».

Реакция монастыря, который в военное время был практически обескровлен мобилизацией и жертвованиями, была вполне объяснима. Но и настойчивость великого князя похвальна. Переписка по поводу нового храма совпала по времени с так называемыми Августовской (январь–февраль) и Праснышской (февраль–март) операциями 1915 г., когда молитвенная помощь и заступничество Божией Матери были особенно нужны русской армии. Из-за отступления, чему были объективные причины, авторитет великого князя был поколеблен окончательно, и он как никогда нуждался в поддержке.

Великий князь остался непреклонен в выборе места для храма. Возможно, изначально оно было выбрано самим иеромонахом Георгием и лишь потом одобрено им. Таким образом, либо Николай Николаевич не захотел менять решение, либо духовник не смог или не захотел воспользоваться своим влиянием на него.

66 VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 4 – 5 об.

67 Там же. Л. 27 – 27 об.

«С величайшим прискорбием услышав от отца Георгия об огорчении, причинённом предыдущим письмом нашим, — писал игумен, — я от лица всей братии и старцев прошу Вас <...> простить нас Господа ради. Смиренно преклоняясь пред священной для нас волею Вашего Императорского Высочества, мы идём навстречу <...> и сим изъявляем полное согласие на постройку храма на Смоленском полуострове <...>. Святая икона Божьей Матери “Валаамская” <...> с любовью будет уступлена и перенесена в храм Ея имени»⁶⁸.

Туда же настоятель соглашался перенести и написанную тем же художником икону Спасителя. Решение в монастыре было принято после многократного и, видимо, бурного осуждения.

«Мы горячо просим Вас, Благодетельнейший Великий Князь, совершить до конца то, что добре вознамерились устроить, — предостерегал игумен, — и да будет сие в честь и славу Господа Бога и Пречистой Его Матери, в знамение скорой победы над врагом, победы света над тьмою и в вечное молитвенное воспоминание воинмучеников живот свой положивших за веру, Царя и Отечество»⁶⁹.

Настоятель известил епархиального архиерея, и 8 марта архиепископ Сергей ответил:

«На построение <...> храма <...> с моей стороны нет препятствий»⁷⁰.

Предварительно архиепископ обратился к жене великого князя — Великой княгине Анастасии Николаевне, из письма к которой можно понять, что великий князь планировал построить церковь без огласки и благословения Синода:

«Если Вашим Высочествам угодно избрать для построения храма непременно Смоленский полуостров, то и да будет так <...> Чтобы посвятить храм в честь “Валаамской иконы” Божьей Матери, необходимо разрешение Святейшего Синода, так как икона эта ещё не признана специально. А это признание неизбежно повлечёт за собой огласку всего начинания, нежелательную для Его Высочества. Поэтому, не лучше ли избрать для будущего храма какое-либо другое наименование (например, в честь Смоленской иконы Божьей Матери) или отложить решение этого вопроса до самого освящения храма?.. Между прочим, у наших предков существовал обычай посвящать храм, сооружаемый в память победы, тому святому

68 Письмо игумена Маврикия великому князю Николаю Николаевичу от 1 марта 1915 г. // VLA. Еа 131. Д. 33. Л. 8 — 8 об.

69 Там же.

70 Там же. Л. 7 — 7 об., 30 — 30 об.

угоднику или священному событию (или иконе Божьей Матери), которые празднуются в день победы (или заключения мира)»⁷¹.

Через неделю (9 марта 1915 г.) пришло радостное сообщение от великого князя о взятии австро-венгерской крепости Перемышль⁷² с просьбой отслужить благодарственный молебен. Это была яркая победа в череде многочисленных военных неудач, в плен сдались 117 тысяч солдат вражеского гарнизона, в том числе девять генералов и свыше 2,5 тысяч офицеров.

«Совершили то чудо, которого Россия ждала <...> — отвечал Николаю Николаевичу настоятель, — мы одерживаем победы! Многострадальная Русь вымолила у Бога счастье великих побед, и слезы радости, счастья и благодарности катятся у нас из глаз, сияющих восторгом»⁷³.

Поздравляя настоятеля и братию с Пасхой, великий князь телеграфировал 21 марта 1915 г.:

«Твёрдо надеюсь на неустанные молитвы Ваши»⁷⁴.

Опасения настоятеля по поводу затруднений оправдались. С таким трудом давший согласие на постройку, игумен был решителен в намерении довести начатое до конца:

«Цемент в Сердоболе нет, и не будет <...> придётся покупать его в Петрограде... — писал он о. Георгию. — Ждали мы приезда архитектора <...> но, к сожалению, не дождались, между тем наступает тепло, дорога быстро портится <...>. Присылкой чертежей покорнейше прошу поспешить, а то нет возможности готовить цоколь <...>. Совершенно не имеется наличных денег, а расходы по постройке неизбежны <...> осмеливаюсь почтительнейше просить Вас <...> не найдёте ли возможным за кирпич деньги уплатить теперь»⁷⁵.

В апреле–июне 1915 г. кайзеровские войска провели мощное наступление (Горлицкий прорыв): за несколько недель неприятель глубоко продвинулся, русская армия в июне оставила ранее занятую Галицию, а в июле–августе отошла на линию Гродно–Пинск–Тернополь. Тем не менее вражеская операция не достигла своей цели:

71 Письмо от 4 марта 1915 г. // VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 33 – 34 об.

72 VLA. Ea 132. Д. 65. Л. 56.

73 Письмо от 19 марта 1915 г. (Страстной Четверг) // VLA. Ea 132. Д. 23. Л. 29 – 29 об.

74 VLA. Ea 132. Д. 65. Л. 56.

75 Письмо от 30 марта 1915 г. // VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 10 – 10 об.

«... не привела к уничтожению противника. Русские <...> вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении»⁷⁶.

Исследователи видят в этом «немалую заслугу» Николая Николаевича как талантливого военачальника, сумевшего спасти основные силы армии для перегруппировки и налаживания снабжения⁷⁷.

Настоятель 20 мая поздравил иеромонаха Георгия с награждением орденом Святой Анны 3-й степени. Тогда же был получен, наконец, план будущей церкви. Игумен остался недоволен неточностями в разметке «пилястров», предлагал увеличить цоколь и даже взять часть расходов на себя. Дело постройки храма затягивалось⁷⁸.

Вернувшийся из ставки архитектор И. И. Смирнов 10 июня 1915 г. направил письмо на Валаам, в котором сообщил, что великий князь приказал «немедленно приступить к постройке храма с некоторыми изменениями первоначального предложения», правда, увеличить цоколь отказался, просил срочно доставить 110 тысяч кирпичей⁷⁹ к месту строительства: храм необходимо было обязательно «выстроить вчерне в нынешний сезон». В результате первоначальный проект церкви был «изменён совершенно», на основе предыдущего И. И. Смирновым был спроектирован новый⁸⁰, «более простой по конструкции и меньшего размера»⁸¹, скорректирована смета до 42 тысяч рублей⁸², приго-

76 *Фалькенгайн Э., фон.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях: [мемуары] / пер. с нем. [и предисл.] А. Е. Снесарева. Москва, 1923. С. 121.

77 *Базанов С.Н.* Великий князь Николай Николаевич Младший // Великая война: верховные главнокомандующие: сборник / сост. Р. Г. Гагкуев. Москва, 2015. С. 554.

78 VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 11 – 11 об.

79 Позднее уточнили количество – до 150 тысяч.

80 Новый проект высылался для утверждения великим князьям и учитывал их корректировки. Таким образом, его основным автором был Великий князь Пётр Николаевич. Он же был автором идеи и эскиза проекта похожего храма-памятника на кладбище в Мукдене (Шэньяне) (1911–1912 гг.) в память о погибших в Маньчжурии русских воинах в русско-японскую войну. В мукденском храме, как и в будущей Смоленской церкви, использовалась тема древнерусского воинского одояния: шлема, кольчуги, доспехов.

81 Письма о Георгии от И. И. Смирнова от 10 июня и от 16 июня 1915 г. // VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 13–14.

82 Позднее в прессе в заметке по поводу закладки храма указывалась общая сумма пожертвований Великого князя Николая Николаевича на строительство и предполагаемое ежедневное служение литургий «в молитвенную память воинов, убиенных на поле брани и в море утопших за все время настоящей войны» – 200 тысяч рублей. См.: Новый храм на Валааме // Финляндская газета. 1915. 15 авг. (№ 165). С. 2.

товлено помещение на сорок рабочих, которых монастырь должен был обеспечить всем для проживания.

Обитель с благодарной поспешностью шла навстречу решимости великого князя. На престольный праздник 28 июня произошёл обмен поздравительными телеграммами. Великий князь телеграфировал из ставки:

«Постоянно вспоминаю счастливейшие часы, проведённые в святой Валаамской обители, память об этом духовно меня поддерживает. Прошу Ваших молитв перед святыми угодниками Сергием и Германом <...> о даровании нам полной и окончательной победы»⁸³.

Несмотря на отступление, он верил в победу и панических настроений не выказывал.

Долгожданная закладка церкви состоялась 19 июля в присутствии архиепископа Финляндского Сергия, многочисленного собора священноиноков, всех монастырских старцев, схимонахов, братии и множества богомольцев. Великому князю телеграфировали, добавив:

«Святая обитель <...> твёрдо верит, что не оставит Господь Своєю милостью верный народ Свой»⁸⁴.

В тот же день он ответил:

«От всей души благодарю <...>. Несказанно счастлив, да сбудутся слова Ваши»⁸⁵.

В тот же день настоятель отправил письмо великому князю:

«Горячее молитвенное усердие собравшихся во множестве братии и мирян, чудная погода, восхитительная окружающая местность, увеличили светлость этого редкого, исторического торжества, подавая, несомненно, и непоколебимую уверенность, что <...> Господь <...> не замедлит явить <...> знамение великого победного торжества над прегордым врагом»⁸⁶.

Закладка храма показала единство духа, чаяний и намерений обители и великого князя, возглавлявшего армию. Несмотря на неудачи на фронте, монастырь продолжал поддерживать его. В августе 1915 г. Николай II сменил Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего, назначив его наместником Кавказа. Великий князь выехал 26 августа 1915 г. в своё имение Першино, где пробыл три недели, и отбыл в Тифлис.

83 VLA. Ea 160 (1947). Д. 22. Б/л.

84 VLA. Ea 131. Д. 33. Л. 16 об. — 17 об.

85 Там же.

86 Там же.

Заключение

Как известно, в советское время традиция храмостроительства в благодарность Богу за воинские победы прекратилась. И первый храм в память победы русского народа в Великой Отечественной войне появился лишь спустя пятьдесят лет — храм Георгия Победоносца на Поклонной горе в Москве. Вторую мировую войну иногда считают следствием Первой мировой, поскольку последняя так и не решила вызвавших её проблем. Германия должна была взять реванш за поражение и заявила права на европейскую гегемонию. В каком-то смысле валаамский старец — игумен Маврикий (Баранов), скончавшийся в 1918 г. после возвращения с Поместного Собора, — был прав, когда писал Николаю Николаевичу, что победа над «тевтонами» будет за русским народом. В таком случае и храм-памятник на Смоленском полуострове Валаама, строившийся изначально в ознаменование этой будущей победы, исполнил своё предназначение. До 1940 г. там ежедневно служил иеросхимонах Ефрем, продолживший молитву на Новом Валааме в Финляндии после эвакуации вплоть до своей кончины в 1947 г.

После того как монахи покинули Валаам в 1940 г., там разместилась советская школа юнг и военная база, церковные строения использовались для хозяйственных нужд. В 1941–1944 г., когда Восточная Карелия была занята финскими войсками, делались попытки возродить Валаамский монастырь, но в полной мере это не удалось. Когда монахи окончательно покинули остров, на Валааме со временем образовался советский поселок. В середине 1960-х гг. церковь Смоленского скита была частично разобрана на кирпичи для ремонта печей поселенцев, были утрачены два деревянных келейных корпуса и пристань. В 1986 г. скит был взят под охрану государства. Сначала по сохранившимся архивным чертежам в 1992 г. была восстановлена деревянная часовня рядом с храмом, освящённая в честь Смоленской иконы Божией Матери. В 2005 г. начал восстанавливаться и сам скит. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II 16 сентября 2007 г. вновь освятил восстановленный храм-памятник в честь Смоленской иконы Божией Матери. А в 2015 г. из Франции в Москву были перенесены останки первого Верховного Главнокомандующего русской армии в Первую мировую войну — Великого князя Николая Николаевича и его супруги. Их захоронили в Преображенской часовне на вышеупомянутом Братском кладбище на Соколе в Москве.

Как и во всё время своего существования, Церковь была со своим народом. И спустя почти 70 лет в храме Валаамского Смоленского

скита вновь возносятся молитвы о воинах, «безтрепетно положивших» на поле брани жизнь «за честь своей Родины».

В предреволюционное десятилетие отношения государства в лице правящей династии и Русской Церкви в лице монашества как Её института, призванного ревностнее остальных искать Царствия Небесного и спасения души, не всегда согласовывались в тактике осуществления главных целей, но долгосрочная стратегия всё же была общая. И как показал пример появления Валаамского Смоленского скита — ныне одного из самых красивейших и востребованных в обители, куда присылают многочисленные просьбы о поминовении погибших за родину воинов, — великий князь был прав, настояв на постройке храма. Вывод, возможно, и не распространяется на весь спектр государственно-церковных отношений в Российской империи, но служит вдохновляющим примером их положительного опыта.

Архивные материалы

- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 671. Николай Николаевич (мл.), Великий князь. Оп. 1. Д. 36. Письма иеромонаха Георгия Великой княгине Анастасии Николаевне. 6 л.
- НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 762. Валаамский монастырь. Оп. 1. Д. 95. Письма игумена монастыря Маврикия. 1912–1917 гг. 320 л.
- VLA (Архив Ново-Валаамского монастыря в Финляндии / Valamon luostarin arkisto). Ea 132. Д. 65 (1914). О посещении сего монастыря Их Императорскими Высочествами Великим Князем Николаем Николаевичем с супругою Великой Княгиней Анастасией Николаевной, с перепиской по сему делу. 112 л.
- VLA. Ea 131 (1914–1915). Д. 33. О построении Храма и скита в сем монастыре Е. И. В. Великим Князем Николаем Николаевичем во имя Валаамской иконы Божией Матери и в молитвенную память воинов, павших в войну 1914–1915 гг. 45 л.
- VLA. Ea 132. Д. 23 (1915). О пожертвованиях Великого Князя Николая Николаевича в пользу Валаамской обители. 38 л.
- VLA. Ea 81 (1918). Д. 1. О разных предметах. 12 л.
- VLA. Ea 160 (1947). Д. 22. О посвящении в стихарь с покрытием рясофором послушника Григория Хробостова. 24 апреля 1891 г. — 13/26 марта 1947 г. Б/л.

Источники

- Афанасий (Нечаев), архим.* Старый Валаам // Старый Валаам: воспоминания о монастыре 1914–1943 гг. Санкт-Петербург: Изд. на подворье Валаамского монастыря, 2006. С. 95–178.
- Закон судный людем (IX в.) // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. Москва: Гос. изд. юридической литературы, 1961. С. 679–685.

- Иувиан (Красноперов), мон.* Монастырская летопись о великой войне 1914–1918 годов, пережитой Валаамским монастырем, и о последующих событиях // Валаамский летописец. Москва: Валаамский монастырь; У Никитских ворот, 2013. С. 135–196.
- Новый храм на Валааме // Финляндская газета. 1915. 15 авг. (№ 165). С. 2.
- Фалькенгайн Э., фон.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях: [мемуары] / пер. с нем. [и предисл.] А. Е. Снесарева. Москва: Высший военный редакционный совет, 1923.

Литература

- Антонов В. В., Кобак А. В.* Святые Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия. Санкт-Петербург: Лики России, 2003.
- Базанов С. Н.* Великий князь Николай Николаевич Младший // Великая война: верховные главнокомандующие: [сборник] / сост. Р. Г. Гагкуев. Москва: Посев, 2015. С. 539–560.
- «Больши сия любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13). История создания Братских кладбищ в Царском Селе и в Москве для погибших воинов Первой мировой войны // Фонд ЕСПО: [сайт]. 2020. 28 апр. URL: <https://espo-fond.ru/news/bolshi-siya-lyubve-nikto-zhe-imat-da-cto-dushu-svoyu-polozhit-za-drugi-svoia-in-15-13-istoriya-sozda/> (дата обращения: 15.12.2024).
- Валаамский монастырь и его подвижники / сост. свящ. А. Берташ. Санкт-Петербург: Изд. на подворье Валаамского монастыря, 2011.
- Гусаров А. Ю.* Памятники воинской славы Петербурга. Санкт-Петербург: Паритет, 2010.
- Запальский Г. М.* Политическая жизнь страны глазами оптинских монахов (1825–1917 гг.) // Оптина пустынь: [сайт]. URL: <https://www.optina.ru/pub/p17/#02> (дата обращения: 1.12.2024).
- Катагощина М.* Памятники Великой войны // Военная быль. 1993. № 3(132). С. 14–17; № 4(133). С. 21–23.
- Клавинг В. В.* Военные храмы России. Санкт-Петербург: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2002.
- Макаров А. И.* Воинские храмы России // Архитектура. 2017. № 1. С. 21–28.
- Первое братское кладбище // Мичуринская мысль: [сайт]. URL: <https://www.mkm68.ru/michurinskaya-pravda/281-pervoe-bratskoe-kladbishche> (дата обращения: 16.12.2024).
- Святейший Патриарх Алексий II направил поздравление Отдельной дивизии особого назначения // Седмица.ru : православная энциклопедия: [сайт]. 2004. 17 июня. URL: <https://www.sedmitza.ru/text/419027.html> (дата обращения: 1.12.2024).
- Сидорова М. В.* In memogiam // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура: материалы 2-й межд. науч. конф., 29 сентября – 1 октября 2003 г. Санкт-Петербург: Валаамский монастырь; Сатись, 2004. С. 173–198.
- Шевченко Т. И.* «Тяжел и труден Ваш подвиг, но он... велик и достоинствен пред людьми и свят пред Богом»: переписка времен Первой мировой войны Валаамского игумена Маврикия (Баранова) с Великим князем Николаем Николаевичем Романовым // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. № 6 (121). С. 151–180.